Страсть по-итальянски

Автор:
Пенни Джордан

Страсть по-итальянски

Пенни Джордан

Любовный роман – Harlequin #321

Отправляясь в Италию, Лили и представить не могла, с чем ей придется столкнуться. Ожившие призраки прошлого, недоверие и презрение со стороны человека, которого она полюбила, – как справиться со всем этим? Но любовь, как известно, способна творить чудеса и исцелять израненные души…

Пенни Джордан

Страсть по-итальянски

Эта книга является художественным произведением.

Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Глава 1

Внимательно изучив тщательно выстроенный кадр, в котором фотомодель замерла в обольстительной позе, демонстрируя комплект нижнего белья, Лили подняла голову от видоискателя и машинально поморщилась при взгляде на

толпящихся вокруг полуобнаженных девушек и парней. Хрупкие красавицы с пухлыми губками болтают и попивают воду через соломинку – непременно через соломинку, чтобы, не дай бог, не испортить тщательно наложенный макияж. Рядом демонстрируют свои подтянутые тренированные тела модели-мужчины. На блестящей загорелой коже контрастно выделяются предметы из коллекции нижнего белья, съемку которой и заказал клиент. Пальцы порхают по мобильным телефонам, бухает тяжелая музыка, что не мешает некоторым слушать что-то через собственные айподы. Над моделями хлопочут стилисты-визажисты. Одним словом, обычная суматошная студийная фотосессия.

– Как там, опоздавший еще не объявился? – поинтересовалась Лили у одного из стилистов, но тот лишь покачал головой. – Больше ждать мы не можем, начинаем. У нас студия только на сегодня. Придется кого-то снимать дважды.

– Если хочешь, можем вон тому блондину волосы немного притемнить, – предложил стилист, подхватывая стойку с бельем, которая опасно накренилась, когда одна из моделей протиснулась рядом.

Лили огляделась и почувствовала, как сердце тоскливо сжалось. Она выросла в этом мире, но однажды отреклась от него и вырвалась на свободу. Все, связанное с индустрией моды и красоты, ныне внушало ей отвращение, если не ненависть. Будь ее воля, ноги бы ее здесь не было – в этой тесной, обшарпанной студии с такой привычной атмосферой из смеси феромонов, мужского пота, женского возбуждения, сигарет и других неполезных для здоровья веществ – атмосферой столь плотной, что кажется, ее можно потрогать рукой.

Пропустив к выходу группку щебечущих моделей, Лили положила фотоаппарат на ближайший столик и подошла к позирующей сероглазой прелестнице выставить следующий кадр. Попутно она в который раз подумала, какое безумное количество молодых, полных надежд красавиц и красавцев стремится стать моделями, думая с ходу заполучить контракт с известной фирмой или ведущим модным журналом. Очень, очень быстро они сталкиваются с изнанкой профессии. Например, с такими вот рутинными потоковыми съемками, ничего общего не имеющими с работой для глянцевых изданий.

Лили не хотела заниматься этим ремеслом. В Милан ее привели совсем другие дела. Однако девушка никогда не могла бы отказать в помощи сводному брату, чем тот и воспользовался. Мать Рика, вторая жена их общего отца, всегда была очень добра к Лили. Она теперь чувствовала себя обязанной отплатить тем же и

помочь ее сыну. В свое время Лили упорно, но тщетно пыталась отговорить Рика идти по стопам знаменитого беспутного отца. Брат был тверд в намерении тоже стать модным фотографом.

Добившись от модели нужной позы, Лили вернулась на место, но тут же досадливо нахмурилась: дверь в студию вдруг распахнулась и отбросила ненужные тени на зону съемки. Вслед за этим в кадре появился совершенно неуместный мужской торс, облаченный в костюм. Судя по всему, наконец-то соблаговолил явиться опоздавший манекенщик.

Не поднимая глаз от камеры, Лили раздраженно откинула со лба прядь блестящих светлых волос и резко обратилась к вошедшему:

– Вы опоздали. И уйдите из кадра.

Внезапно воцарилась полная тишина, и Лили почувствовала – что-то не так. По спине пробежал холодок. Она отступила от камеры и глазами наткнулась на холодный, враждебный взгляд вошедшего. Это был высокий широкоплечий брюнет, всей своей фигурой излучавший все ту же враждебность и высокомерное презрение. Она заметила, как, помимо ее воли, участился пульс. Похоже, это все-таки не манекенщик…

Лили выросла в мире, где красота была ходовым товаром, с которым не очень церемонились. За долгие годы она, как ей до сих пор казалось, стала невосприимчива к мужской красоте, зареклась делать ставку на собственную внешность, а сексуальное влечение вообще считала насмешкой матушки-природы и старалась всячески избегать его.

Нежданный гость был, бесспорно, красив. Великолепен. Стараясь держать себя в руках, Лили подпустила в голос металла и вымолвила:

– Я вас слушаю.

Однако вместо того, чтобы рассыпаться в извинениях за испорченный кадр и пуститься в объяснения о причине наглого вторжения, мужчина продолжал молча обдавать ее злобным презрением. При этом он лишь искоса взглянул на полуголых красоток, которые все как одна уставились на него. И Лили их понимала. По сравнению с ним присутствующие манекенщики выглядели

жалкими мальчишками, несмотря на все свои мускулы. Вошедший был красив невероятно. Красив и абсолютно холоден. И, судя по всему, настроен весьма критически. И все равно он излучал волны первобытной мужской мощи и чувственности. Хотя на лице застыло жесткое выражение, не сулящее ничего хорошего тому, к кому красавец пришел. К кому же? Ведь не к ней. Тогда почему при его появлении словно сработала внутренняя сигнализация и теперь кричит, захлебываясь: «Осторожно! Опасность!»

Лили никогда не позволила бы себе повторить ошибку матери. А мать была падкой на проявления мужской воли и мощи. Да еще пользовалась своей красотой в коммерческих целях… Неужели же и Лили унаследовала эти склонности? При мысли об этом она поежилась, мысленно приказала себе прекратить рефлексировать и заняться работой. А в данный момент ей мешал красавец незнакомец.

Вряд ли его интересовала перспектива работы моделью. Такое лицо – царственное и величавое – могло бы быть выковано на древнеримских монетах. Это было лицо человека, способного повелевать умами мужчин и сердцами женщин. Но в данный момент на нем застыло выражение столь глубокого отвращения, что, будь он все-таки моделью, потенциальные клиенты в ужасе бы попрятались.

Так он собирается сегодня вообще говорить или нет? Лили набрала в грудь побольше воздуха и с нажимом повторила:

– Слушаю вас.

Все тот же ледяной взгляд. Он, наверное, пришелец. Или робот-андроид, у которого удалена функция эмоциональной восприимчивости. Вокруг только что искры не проскакивают от всеобщего напряжения, а этому хоть бы что.

– Вы здесь главная? – раздался наконец голос более тихий, чем можно было ожидать, но несущий в себе все тот же мощный заряд жесткой непримиримости, что и весь облик его владельца.

Лили окинула студию озабоченным взглядом. Очевидно, что намерения у гостя явно не мирные. Вероятно, пришел высказать какую-то претензию. И поскольку девушка в данный момент заменяла брата, пришлось сознаваться:

– Да, я.

– Мне нужно вам кое-что сказать. Наедине.

По комнате пробежал шелест голосов. Лили собралась было возмутиться требованием гостя. Ну что такого может он ей сказать? Да еще наедине… Однако тут ей в голову пришла мысль, что сводный брат вполне мог натворить нечто, вызвавшее гнев посетителя.

– Что ж, – сдалась она. – Однако будьте добры, покороче. Как видите, у нас съемка идет.

В его взгляде сверкнуло отвращение такой силы, что Лили невольно отшатнулась. Взяв себя в руки, она нехотя вышла через дверь, которую мужчина придержал перед ней. Как истинный джентльмен. Нет, скорее как истинный конвоир, не желающий, чтобы узник вдруг спасся бегством.

Здание, в котором располагалась студия, было тех времен, когда двери еще делали на совесть. Поэтому Лили больше догадалась, чем услышала, какой шквал вопросов обрушили друг на друга оставшиеся в комнате. Она остановилась на крошечной лестничной площадке, стараясь держаться как можно ближе к двери.

– Можете считать меня старомодным и даже женоненавистником, – начал незнакомец, – но, на мой взгляд, когда женщина торгует молодыми телами, это еще более отвратительно, чем когда этим же бизнесом занимается мужчина. Вы зарабатываете на чужом тщеславии и глупости. Вы внушаете пустые надежды, поддерживаете несбыточные мечты.

Лили уставилась на него, не веря своим ушам. На какое-то мгновение она подумала было, что перед ней сумасшедший, однако быстро отказалась от этой мысли. Как всегда, когда чувствовала себя неуверенно, она запустила руку в копну волос и дрожащим голосом возразила:

– Не понимаю, о чем вы. Похоже, тут какая-то ошибка.

– Вы ведь фотограф, выискиваете молодых глупцов, обещаете им блестящую карьеру модели, хотя прекрасно знаете, что карьера эта их, скорее всего, погубит.

– Неправда, – снова попыталась защититься Лили, хотя и сама, по сути, придерживалась того же мнения о модельном бизнесе. Глубоко вздохнув, она собралась было продолжить мысль, но собеседник уже снова заговорил со злобой:

– Где ваша совесть? Ни капельки не стыдно за то, что вы творите? Никакого чувства вины?

Последние слова будто полоснули ножом и всколыхнули темные, глубоко запрятанные воспоминания. Ей бы бежать без оглядки, но Лили была буквально заперта с обвинителем в тесном пространстве лестничного пролета. Она чувствовала, как ею начинает овладевать паника. Хотелось свернуться клубочком, чтобы ничего не видеть и не слышать. Чтобы никто ее не трогал. Но возможности такой не было.

– Бизнес, в который вы пытаетесь втянуть моего племянника, – сплошная грязь, где чужую красоту и молодость покупают для удовлетворения извращенных прихотей.

Каждое слово задевало за живое. Сердце бешено колотилось. А гость продолжал:

– Страшно подумать, скольких вы уже совратили посулами славы и богатства. Но вот что я вам скажу: Пьетро вы не получите! Слава богу, ему хватило ума рассказать все дома – как вы его заманиваете обещаниями карьеры и гонораров.

Лили почувствовала, что во рту пересохло. Этот аспект отцовского ремесла она ненавидела особо, зная, через что порой приходится пройти начинающим моделям, попадись они в руки беспринципным агентам. И теперь, слушая подобные обвинения в свой адрес, Лили испытывала настоящий шок, сковавший ее с ног до головы и лишивший какой-либо возможности отстоять свое честное имя.

– Заберите свои грязные деньги. Кровавые деньги! – С этими словами красавец швырнул на пол смятые купюры. – Скольким похотливым тварям вы планировали представить его на этой вечеринке после съемки? Можете не отвечать. Я и сам знаю – чем больше, тем лучше, да? Ведь для вас это все просто бизнес, правда?

Лили похолодела: неужели Рик пригласил молодого манекенщика на вечеринку после съемки? Сводный брат был человеком общительным и постоянно заходил куда-нибудь выпить после работы. Кроме того, в Милане шла Неделя высокой моды. В городе было полно представителей самой верхушки модной индустрии. И самого дна тоже… Лили передернуло от невыносимых воспоминаний, нахлынул былой страх, лицо покрылось испариной, стало не хватать воздуха. Ей хотелось поскорее убраться отсюда, от этого человека, который заставил ее вспомнить прошлое!

– Вы и подобные вам мне противны! Внешне прекрасный ангел, вслед которому люди на улице оборачиваются. А внутри – гниль и грязь!

Борясь с удушьем, Лили приказала себе думать о настоящем, а не о прошлом. Сфокусироваться на чем-то другом. Внезапно она покачнулась, и мужчина тут же подхватил ее, не дав упасть. Тело интерпретировало жест по-своему. Запаниковав, Лили инстинктивно стала вырываться и свободной рукой пытаться сбросить его ладонь.

– Не трогайте меня! – воскликнула она, но рука его лишь сжалась еще крепче.

Оказавшись прижатой к мужскому телу, Лили ожидала испытать привычные тошноту и ужас, однако ощутила то, чего быть просто не могло. Вместо отвращения теплый запах тела и одеколона вызвал невероятное желание прислониться к мужчине еще крепче. Почему-то показалось правильным стоять вот так, практически обнявшись. Будто плоть ее одобрила происходящее. Лили почувствовала себя Алисой, попавшей в Страну чудес, где все шиворот-навыворот.

Прошла лишь пара секунд, но она испытала целый шквал эмоций, и теперь одна мысль билась в голове – бежать куда глаза глядят. Прочь из этих объятий. И не от страха перед незнакомцем, а от страха перед собственной реакцией на него.

Взгляд мужчины изменился, в нем появилось странное выражение удивления и недоверия, словно что-то оказалось выше его понимания.

– Пустите!

Эти слова будто вывели красавца из оцепенения. Похоже, он не привык, чтобы его отвергали. Глаза мужчины снова наполнились злобой, и так было лучше. Это означало, что они враги. Взгляд его был подобен вулкану, извергающему расплавленное золото. Лили чувствовала, будто ее сковали по рукам и ногам. По телу разлилась слабость, ее начало потрясывать, а от места, где его ладонь касалась ее локтя, расходились волны тепла. Что это? Неужели влечение? Чтобы она, Лили, возжелала мужчину? И кого? Совершенно незнакомого, да к тому же еще и враждебно настроенного! Почему он так на нее действует?

Мужчина вдруг резко отпустил ее руку, оттолкнул ее от себя, развернулся и направился вниз по лестнице, перешагивая через ступеньку. Жадно глотая воздух, Лили стала дергать ручку двери дрожащими пальцами.

Наконец-то она в студии. Но не в безопасности. Пара мгновений и прикосновение незнакомца – прикосновение машинальное, не наполненное никаким чувственным смыслом, – и вот защита, выстраиваемая годами, рухнула, разбилась вдребезги. Оказывается, Лили все-таки способна испытывать желание. Это было как гром среди ясного неба.

Объяснив окружающим, что произошла ошибка, Лили еле-еле собралась с духом и приступила к работе. Руки дрожали, когда она настраивала камеру. Сколько себя помнила, с самого раннего детства, когда ее часто оставляли одну в студии отца, камера всегда служила для нее символом надежности, защиты, словно шапка-невидимка, под которой можно спрятаться от всего. Но сегодня спрятаться не удавалось. Глядя в видоискатель, вместо позирующей модели Лили видела странного незнакомца, так легко выведшего ее из равновесия.

Наверное, нужно просто забыть все, как дурной сон. Сон кончился, она проснулась, и теперь все будет как прежде. Но будет ли?

Зачирикал мобильник, уведомляя о новом сообщении. Неверными руками Лили прокрутила текст. Рик писал, что срочно вылетает в Нью-Йорк, чтобы не упустить некую блестящую возможность. Далее он сообщал, что забронировал

студию на ее имя, и просил оплатить аренду.

Лили выпрямилась. Вот она – реальность. Вот она – жизнь. Вот настоящие проблемы и вопросы, которые надо решать. А все остальное – глупости. И пора выбросить их из головы. Подумаешь, эмоциональная защита дала брешь на какое-то мгновение. Это не имеет никакого значения. Ведь ничего не произошло. Растереть и забыть.

У нее есть цель. И это вовсе не проведение фотосессий вместо брата. Дело, ради которого она прилетела в Милан, ничего общего не имело ни с модельным бизнесом, ни с модной индустрией – со всем этим миром ее отца. У нее теперь был свой мир – безопасный, защищенный. Мир, в котором никогда не будет места мужчинам, способным лишить ее воли и сделать своей пленницей.

Марко кивнул секретарю, передавая стопку только что подписанных документов. В голове он все прокручивал недавний телефонный разговор с сестрой. Беседа выдалась не из приятных. Сестра в выражениях не скупилась. Марко иногда дивился, откуда в ней столько экспрессии.

Их родители-аристократы – ныне покойные – всегда держались от детей на расстоянии, а в общении были подчеркнуто холодны и официальны. Никаких тебе объятий и поцелуев, даже от матери, хотя Марко знал, что та гордится своими чадами. Воспитание наследников было поручено гувернанткам, а затем частным школам, но Марко вовсе не чувствовал себя обделенным и не жалел, что детство его выдалось именно таким. Он всегда очень ценил свое личное пространство и сам старался держать дистанцию с окружающими.

Тем не менее в целом он понимал озабоченность сестры. Марко знал: она рассчитывала, что брат возьмет Пьетро на работу сразу, как тот окончит университет, а там и до места в совете директоров недалеко.

Марко возглавлял семейный бизнес – огромную империю, сложившуюся усилиями поколений дворян и купцов Ломбардии и охватившую самые различные направления деятельности. Сам Марко тоже внес свою лепту: приобрел коммерческий банк, благодаря чему уже в тридцать лет стал миллиардером. Теперь, в свои тридцать три, он обратился от будущего к прошлому. В настоящий момент его пытливый ум занимала коллекция

произведений искусства, собиравшаяся столетиями меценатами из его рода.

В то же время этот пытливый ум никак не мог согласиться с доводами сестры о причинах, которые, по ее мнению, и побудили Пьетро прельститься модельной карьерой. С ее точки зрения, виной всему был сам Марко, ведь именно по его настоянию бедный мальчик вынужден прозябать просто на смешные деньги, вот почему и ухватился за первое же привлекательное предложение заработать. В то же время, конечно, сестра была признательна, что Марко вмешался и встретился со злодеем, посягнувшим на ее драгоценного сыночка. Ведь всем известно, что может случиться с невинными бедняжками, столкнувшимися с изнанкой модельного бизнеса.

Взгляд Марко упал на стоящую на столе фотографию в серебряной рамке. Оливия была снята вскоре после шестнадцатого дня рождения. Милое личико украшала скромная улыбка, по плечам рассыпались темные кудри. Девушка выглядела невинной и чистой, не способной на обман и предательство. Это была красота розы, готовой распуститься. К сожалению, распуститься ей было не суждено. Гнев охватил Марко и стократ усилился при непрошеном воспоминании о странном и неуместном сексуальном порыве, который он испытал утром. Это стало настоящим шоком, ведь женщина, вызвавшая реакцию его плоти, была из разряда тех, кем он не мог бы заинтересоваться ни при каких обстоятельствах. Теперь Марко твердил себе, что то была минутная слабость и объяснялась она просто. Постоянная любовница стала требовать гарантий и обязательств с его стороны, на которые Марко не согласился. В результате последнее время постель его чаще всего пустовала.

Марко поднялся и подошел к окну. Он не особенно любил Милан и вообще городскую жизнь, но в интересах бизнеса держал здесь квартиру и офис. Больше же всего из огромного списка недвижимости, которой владела семья, ему нравился великолепный замок, построенный одним из его предков – страстным поклонником искусств и коллекционером.

Недавно к Марко обратился Британский комитет по охране культурного наследия с просьбой поспособствовать в сборе экспонатов для готовящейся выставки. Идея была в том, чтобы в одном из английских поместий, архитектура которого была вдохновлена образцами итальянского искусства, организовать экспозицию, демонстрирующую историю проникновения итальянской живописи, скульптуры и архитектуры в Великобританию. Организаторы намеревались собрать по разным источникам всевозможные предметы искусства, а также

чертежи и схемы. Марко сначала настороженно отнесся к данному запросу, но, изучив план проекта, удостоверился, что все продумано до мелочей, и дал свое согласие на участие.

Постепенно проект увлек его настолько, что он даже вызвался сопровождать специалиста, которого комитет посылал в Италию для предварительного ознакомления с потенциальными экспонатами. Марко ничего не знал о докторе Райтингтон, кроме того, что ее диссертация была связана с историей влияния Италии на английское искусство. По заданию комитета искусствовед должна была осмотреть ряд поместий, отобранных специальной комиссией совместно с Марко. Он собирался показать ей несколько вилл на берегах озера Комо к северу от города. А финальной точкой турне в программе значился один из его собственных особняков в Ломбардии – Кастелло ди Лючецци.

Но сначала – прием в честь прибытия доктора Райтингтон. Мероприятие Марко решил провести в одном из бывших поместий Сфорца – династии миланских герцогов. Ныне там располагались галереи живописи.

Взглянув на часы, настолько дорогие, что на них не значились даже никакие логотипы производителя, поскольку внешний вид говорил сам за себя, Марко отметил, что до начала приема оставался еще час.

Глава 2

Лили оглядела маленький гостиничный номер. Хотя такси придет лишь через полчаса, все уже было готово к отъезду. Взгляд ее упал на багажную этикетку сумки с ноутбуком. Там значилось «Доктор Лилиан Райтингтон» – едва ей исполнилось восемнадцать, она взяла девичью фамилию бабушки по материнской линии, чтобы ничто не указывало более на ее происхождение из скандально известной семьи.

После защиты диссертации прошло уже больше года, однако сердце ее до сих пор слегка замирало при виде указания ученой степени рядом с именем. Рик никак не мог понять ее выбор, что было вполне объяснимо, ведь он совсем иначе воспринимал образ их общего отца.

А ей снова – впервые за долгое время – приснился старый кошмар. Все шло по прежнему сценарию: отец звал ее в студию, чтобы она попозировала ему вместо заболевшей модели. Мысль о том, что ее будут фотографировать, вселяла привычный страх. Пытаясь успокоиться, она стала искать свою камеру, и тут в студию вошел мужчина. Черты его лица во сне были размыты, но Лили все равно узнала его и испугалась. Вошедший направился к ней, и она в страхе стала звать отца на помощь, но тот был где-то занят и не обращал внимания. Тут он протянул к ней руку, девушка почувствовала, как ее охватывает ужас, отвращение и негодование на отца, не спешащего на помощь. И вдруг дверь в студию снова открылась, впуская человека, при виде которого Лили испытала облегчение и рванула ему навстречу, торопя момент, когда его руки сомкнутся вокруг ее ладоней. Лили чувствовала, что вошедший зол, но понимала, что теперь она в безопасности: он защитит ее.

Было странно, что мозг ее представил в роли спасителя давешнего знакомого, ворвавшегося в студию и обвинившего ее в куче грехов. Хотя объяснение все-таки было: этот человек придерживался той же точки зрения на модельный бизнес, что и она сама, так рано научившаяся бояться оборотной стороны этой индустрии. Вот он, очевидный ответ, и нет смысла копаться в этом дальше.

Намного больше ее беспокоило, что сон опять вернулся. Похоже, вся обстановка студии всколыхнула старые воспоминания. Лили снова напомнила себе: теперь она другая – доктор Лилиан Райтингтон, защитившая диссертацию по влиянию итальянского искусства на британскую знать.

Тут администратор сообщил, что такси прибыло, и Лили направилась на выход. Она слегка нервничала по поводу встречи с самим князем ди Лючецци, но совсем немного. По роду своей деятельности в качестве приглашенного искусствоведа ей неоднократно приходилось сталкиваться с титулованными и состоятельными особами. Комитет, с которым она сотрудничала, часто организовывал различные мероприятия по привлечению спонсоров. И потом, благодаря своим научным интересам, она знала о стольких фамильных секретах многих знатных семей, что могла общаться с ними без особого стеснения и боязни.

Дело в том, что в своих исследованиях Лили фокусировалась не на художниках или скульпторах как таковых, а на личности меценатов, их поддерживавших. Ей было интересно понять, что же заставляло того или иного богача заинтересоваться конкретным произведением или живописцем. Как всегда, в основе всего лежали человеческие отношения – этот лабиринт, минное поле, где

все просто и сложно одновременно.

Лили была настолько погружена в прошлое, что не особенно интересовалась лицами, населяющими настоящее. Поэтому она не стала наводить справки о князе ди Лючецци. Коллеги сообщили, что редчайшая возможность посетить ряд частных поместий выдалась ей исключительно благодаря князю. Кроме того, по его настоянию и за его же счет она остановится во всемирно известном роскошном отеле «Вилла д’Эсте» на озере Комо. Тем не менее для нее это был лишь очередной партнер по организации выставки, с которым предстоит работать по поручению комитета.

В то же время девушка знала, как важно первое впечатление, поэтому тщательно продумала, что надеть на прием. Не будучи поклонницей мира моды как такового, она тем не менее выросла в нем и имела определенное чувство стиля. При своих ста семидесяти сантиметрах с небольшим Лили почти во всем смотрелась хорошо. В обычной обстановке она предпочитала футболки и джинсы, но для ответственных мероприятий имела приличествующий гардероб простых, но элегантных и хорошо сшитых вещей.

Сегодня на ней было светло-бежевое платье без рукавов с вырезом под горло. Оно мягко струилось по фигуре, не облегая ее. К нему шли изящные черные кожаные туфли и сумочка. Из украшений лишь нитка жемчуга, принадлежавшая еще прабабушке, да часы фирмы «Картье», доставшиеся от матери, и пара бриллиантовых сережек-гвоздиков. Серьги она переделала из обручального кольца, тоже перешедшего ей от матери.

После того как мать покончила с собой, отец отдал все ее украшения Лили. Она оставила себе только часы и обручальное кольцо, а остальное продала, пожертвовав затем вырученную сумму в фонд помощи бездомным. Это казалось символичным: ведь и сердце ее матери лишилось покоя и пристанища от бесконечных интрижек отца.

Выйдя из такси, Лили остановилась как вкопанная: перед двойными дверями, в которые ей следовало пройти, чтобы попасть на прием, стоял мужчина, оскорбивший ее своими яростными нападками накануне.

– И что же это вам тут понадобилось? – с недовольной гримасой проговорил он.

«Не думает же он, что я его преследую!» – возмущенно подумала Лили и уже собралась было заговорить, но тут грубиян заметил багажную этикетку на ее сумке и недоверчиво спросил:

– Так это вы доктор Райтингтон?

– Да, это я. А вы кто? – Лили видела, что вся ситуация явно доставляет собеседнику не больше удовольствия, чем ей самой.

Глаза мужчины метали золотые молнии, когда он сухо представился:

– Марко ди Лючецци.

«Не может быть! Только не это! Господи, пусть это будет просто родственник, которого князь послал вместо себя!» – взмолилась Лили, чувствуя, как досада уступает место панике, и вслух спросила:

– Вы князь ди Лючецци?

– Предпочитаю обходиться без титулов. – Резкий ответ развеял последнюю надежду Лили. Все-таки это именно тот Марко, с которым ей предстоит бок о бок провести ближайшие две недели. – Если вы готовы, пройдемте внутрь, я вас познакомлю с некоторыми представителями родов, чьи имения вы будете осматривать.

– Я видела список гостей, мне из комитета прислали. – И Лили направилась к дверям, только чтобы скорей хоть ненадолго избавиться от его компании.

Но вдруг Марко стремительным движением опередил ее и преградил ей путь.

«Не драться же с ним», – подумала девушка, и при мысли об этом ей вдруг вспомнилось, как вчера на лестнице перед студией он коснулся ее. Мгновенно жар разлился по телу. Да что же это с ней творится! За что ей это! Почему судьба вновь столкнула их? И почему его присутствие вызывает такую бурю чувств? Ее душевное равновесие вновь оказалось под угрозой!

Марко нахмурился, ощутив запах духов собеседницы. Очень тонкий и струящийся аромат, под влиянием которого ему хотелось наклониться ближе и вдохнуть запах полной грудью. «Глупости! Это все специальные уловки!» – напомнил он себе и решительно спросил:

– А в комитете знают, чем вы занимаетесь в свободное от работы время? Знают о вашей, гм, подработке?

«Похоже, это угроза! Но он заблуждается на мой счет, и молчать я больше не намерена. И пускай успех всего предприятия, ради которого я приехала, зависит от него. Я все равно отвечу: я имею право защищать свое имя!» – подумала Лили, хотя оправдываться не очень хотелось.

– Это не подработка. Я просто оказала любезность знакомому и подменила его в последнюю минуту. – «В конце концов, так оно и было».

Марко почувствовал, что эта женщина злит его все сильнее. Она играет словами так же, как судьбами молодых глупцов, подобных его племяннику.

– Так в комитете не знают? – переспросил он.

– Тут и знать-то не о чем. Я просто помогла кое-кому…

– Просто помогла? Вот как это теперь называется? А по-моему, для этого существует другое слово! – Марко не понимал, как женщина, пытавшаяся купить его племянника, и доктор Райтингтон могли оказаться одним и тем же человеком. Но факт налицо: искусствовед явно вела двойную жизнь. Только зачем высокооплачиваемому и уважаемому в своих кругах специалисту ввязываться в такую грязь? Он вспомнил Оливию и почувствовал, как в нем вновь пробуждаются ярость и боль утраты.

Они дружили с детства и, по сговору семей, в один прекрасный день должны были пожениться. Но оказалось, что Оливия тайно стала подрабатывать моделью, надеясь добиться славы на этой ниве. Славы она так и не добилась, зато погрязла в наркотиках, докатилась до проституции и, в конце концов, рассталась с жизнью. И все это под чутким руководством такой же, как эта вот Райтингтон. Никогда больше он, Марко ди Лючецци, не поверит женщине.

– Зачем это вам? – Голос мужчины звучал сурово.

Лили чувствовала его отвращение к себе. Его слова били как пощечины, было больно и неприятно. Ничем она не заслужила подобного к себе отношения. И почему ее так трогают его речи? Какая разница, как он к ней относится? Почему-то она чересчур восприимчива ко всему, что исходит от этого человека!

– Что именно? – уточнила Лили.

– Не надо притворяться. Вы прекрасно понимаете, о чем я. Та захудалая студия! Ваши приставания к моему племяннику…

Щеки Лили покраснели, хотя лично ей стыдиться было нечего.

– Повторяю: я просто оказала услугу одному человеку.

Казалось, ответ ее лишь подлил масла в огонь.

– Хороши услуги! – грубо бросил он, с трудом сдерживая гнев. – Скажите-ка, вас что, совсем не беспокоит моральная сторона вопроса? Вы хоть понимаете, что губите жизни?

Они ступили на запретную территорию. Сердце Лили билось тяжело и болезненно. Была во всем этом горькая ирония: именно ей приходилось выслушивать подобные обвинения! Это невыносимо, и лишь инстинкт самосохранения, удерживая от дальнейшей дискуссии, не давал пускаться в пространные объяснения. Поэтому она лишь повторила:

– Не знаю, почему я должна перед вами оправдываться. Но говорю еще раз: меня попросили провести съемку для каталога одежды. И все.

– Да? А как вы объясните, что к молодому парню подошли в студенческом баре, пригласили именно на эту съемку, обещая карьеру модели? Этот ваш знакомый не говорил вам, почему именно так он подыскивает моделей? Есть же специальные агентства, базы данных тех, кто уже имеет хоть какое-то представление о всех подводных течениях этого бизнеса.

Каким-то непонятным образом он подбирал те слова, которые ранили сильнее всего. Ведь она распрощалась с прошлым, создала себе новую жизнь, в которой не было места прежней Лили. Так она пыталась убежать от теней прошлого, которых, видимо, все еще боялась. И ведь все шло так хорошо, она начала по-настоящему гордиться собой, своими достижениями, и теперь из-за какого-то мужчины все вновь под угрозой. Она призывала себя сохранять спокойствие и мыслить логически, ведь она знает правду о себе.

Переведя дыхание, Лили ответила:

– За подобные каталоги платят немного, поэтому мой… тот, кому я помогла, старался обойтись как можно меньшими средствами. Вот и пригласил вашего племянника. Никаких иных целей он не преследовал.

– Думаете, я в это поверю? Где логика? Ваш знакомый еще и позвал его на вечеринку, где должны были присутствовать какие-то величины из мира моды.

Это уже было слишком. Лили почувствовала, что в самообладании пробита брешь. Мало того что приходится оправдываться за брата, так еще и терпеть такое отношение от Марко ди Лючецци… По сути, он обвинил ее в попытке совращения племянника и продажи его неким шишкам. Рик, конечно, не ангел, но он лишь пытался произвести впечатление, не более того.

– Вы заблуждаетесь насчет нас с Риком, – выпалила Лили. – Если хотите знать, я придерживаюсь точно того же мнения насчет грязной стороны модельного бизнеса, что и вы.

Однако Марко уже приходилось слышать подобные слова. Когда-то именно так ответила восемнадцатилетнему доверчивому юноше хозяйка агентства, на которое работала Оливия. Но она солгала, как теперь лжет стоящая перед ним женщина.

Но почему его так это задевает? Почему ему больно от того, что именно эта красавица оказалась очередной лгуньей? Глупости, ему все равно. Марко ди Лючецци нет до нее никакого дела.

– Как-то все это не соответствует тому, что я видел. Я вам не верю.

Лили на мгновение замерла. Стало ясно: мужчина настроен категорически и, что бы она ни сказала, его не переубедить. Что ж, придется использовать его же тактику.

– У вашего племянника был выбор. Никто его под дулом пистолета не принуждал брать деньги, соглашаться на съемку и участие в вечеринке, – проговорила Лили холодным, спокойным голосом. – Вместо того чтобы обливать меня грязью, лучше бы ему, а не мне допрос учиняли. В конце концов, молодой человек из такой знатной и состоятельной семьи, как ваша, не стал бы хвататься за подобную низкооплачиваемую работу, если бы у него не было на то особых оснований.

– Например?

Голос мужчины звучал глухо. Внешне ничего не изменилось, но Лили была уверена – слова ее попали в точку. Ей даже на мгновение стало его жаль, однако она быстро напомнила себе, что этот человек в ее жалости не нуждается.

– Например, дядя, который держит его в ежовых рукавицах? – невинным тоном предположила она, не ожидая, что князь снизойдет до ответа на подобное замечание.

Однако тот произнес:

– Пьетро еще очень юн и склонен к импульсивным поступкам, а также уверен в собственной неуязвимости. Мать слишком его избаловала. Чтобы в один прекрасный день начать управлять большими капиталами, сначала нужно научиться распоряжаться суммами несколько меньшими, но, должен заметить, вовсе не нищенскими. Можете называть это ежовыми рукавицами. Я считаю, это тренировка очень важного навыка жить по средствам.

– Может, стоит рассказать все это ему, а не мне? – откликнулась Лили. – Понимаю, для вас важно благополучие племянника. А для меня важно выполнить работу, которую мне поручил комитет. – С этими словами она многозначительно кивнула в сторону дверей.

– А вам можно доверять такую работу? Не исчезнете вдруг, чтобы опять оказать услугу знакомому?

– У вас нет ни права, ни оснований сомневаться в моей профпригодности!

– Отнюдь. Ведь я, по сути, поручаюсь за вас, когда договариваюсь о визитах в частные владения. А основания для сомнений вы мне сами вчера подкинули.

Лили уже порядком утомил этот разговор. Желая поскорее избавиться от князя, она напомнила:

– Мы заставляем себя ждать! – И снова посмотрела на дверь, дорогу к которой до сих пор преграждал упрямый собеседник, не сводящий с нее внимательных глаз.

Глава 3

Сердце Лили словно сбилось с ритма и болезненно сжималось под взглядом Марко. Хоть бы кто-нибудь подошел, что ли, заговорил с ними и покончил с этой пыткой. Но чуда не происходило, и у нее не было выбора, кроме как выслушать до конца все, что собирался сказать мучитель.

– Ни за что в жизни не поверю, будто вы с вашим знакомым руководствуетесь благими намерениями, – заявил он.

– Я сказала правду. Не хотите верить – ваши проблемы.

– Нет, – отрезал мужчина. – Правды вы мне как раз не сказали.

Марко загнал ее в ловушку: не было возможности ни пройти вперед, ни отступить. Наклонив голову, он тихо говорил ей на ухо, и Лили мучительно замирала, ощущая тепло его дыхания. Ее мутило, стало жарко. Буря эмоций охватила ее, когда мужчина вторгся в ее личную зону, подойдя столь близко.

Надо было что-то отвечать, защищаться. Но она едва могла дышать и с трудом сдерживалась, чтобы в панике не закричать. Попытка хоть немного посторониться привела к тому, что Марко еще сократил дистанцию между ними.

Лили резко выдохнула, столкнувшись с ним, и ее дыхание словно обожгло шею мужчины, пустив по телу волны чувственного огня. Абсолютно машинально, даже не отдавая себе отчета в том, что делает, Марко схватил Лили за руку. Он судорожно пытался найти объяснение тому шквалу ощущений, который охватил его. Ведь он не терял над собой контроля даже тогда, когда любовницы устраивали затейливейшие игры в его постели. И вдруг такая реакция всего лишь от теплого дыхания этой женщины. Что в ней заставляет его терять самообладание, пробуждает древнейшие инстинкты?

Конечно, следовало бы выпустить ее руку. Не было никакой причины продолжать удерживать ее. Ни причины, ни потребности, как пытался Марко убедить сам себя. И он бы выпустил, если бы упрямица не начала вырываться. Такой удар по его мужскому самолюбию!

– Нет! – вскрикнула Лили, запаниковав от того, что тело ее снова совершенно неадекватно и неуместно отреагировало на прикосновение.

Казалось, телу доставляет удовольствие близость этого мужчины, что совершенно недопустимо и должно быть немедленно пресечено, пока он не догадался о том, какое действие на нее оказывает. Подняв глаза, она поняла по его горящему взгляду, что он совершенно иначе истолковал ее возглас и наказания не избежать.

Кара настигла ее мгновенно и окончательно выбила почву из-под ног. Его рот накрыл губы Лили поцелуем, таким, какого она не испытывала никогда в жизни. По телу пробежала волна жара, и показалось, будто они – две половинки целого, наконец-то воссоединившиеся. Она взмахнула свободной рукой, чтобы выразить протест, но вместо этого с изумлением обнаружила, что ладонь ее ложится на его лицо. Пальцы ощутили текстуру кожи, выбритый подбородок. Как художнику, Лили захотелось исследовать черты его изумительно, невозможно красивого лица. Только ли как художнику? Губы ее расслабились и слегка приоткрылись, и из них вырвался слабый стон. Что это? Как что, протест, разумеется, ничем иным этот звук быть не может!

Глядя в глаза цвета кипящего золота, Лили почувствовала, как ее пробирает дрожь, как все тело охватывает предательская слабость, принуждая хозяйку опереться о мучителя. На какое-то мгновение показалось, будто тела их движутся, повинуясь некоей неведомой силе. И вдруг мужчина резко отстранился.

Марко с трудом приходил в себя. Он никак не мог осознать, что с ним творится. Почему он, всегда совершенно невозмутимый и рассудительный, позволил эмоциям взять верх над разумом? Никогда прежде он не действовал столь импульсивно. Стоило признать, что первая реакция на всю эту затею с выставкой была верной. Не зря его сначала одолели сомнения по поводу затеянного комитетом проекта. Нужно было отказаться, довериться интуиции. Правда, тогда он усомнился в способности иностранной организации адекватно преподнести историю его страны и рода. Ему и в голову не могло прийти, что проект чреват осложнениями совсем иного толка.

Марко бросил на Лили тяжелый взгляд и не увидел ничего, что могло бы послужить веской причиной для его плоти реагировать столь бурно. Хоть убей, не понимал он, почему его так волнуют ее присутствие, ее запах, очертания груди, приподнимающейся в такт дыханию, тепло самого дыхания… Стиснув зубы, злясь на самого себя, что вообще тратит время на подобные размышления, мужчина попытался привести мысли в порядок и взять ситуацию под контроль.

Да, она симпатичная. Что там, по-настоящему красивая – спокойной, тихой, некричащей красотой. Внешность эта соответствовала утонченности профессии искусствоведа и никак не вязалась с той работой, за которой он застал красотку накануне в студии. Какая же из этих двух ипостасей истинная? И к которой из них его влечет? Неужели в глубинах его личности скрывается Марко, который способен испытывать интерес к женщинам такого рода? Но правда заключалась в том, что тело его с равным неистовством откликалось как на присутствие доктора Райтингтон, так и на близость вчерашней искушенной негодяйки из студии. И что все это значит? Да ничего! Физическое влечение, только и всего. И нечего делать из мухи слона!

Открывая дверь перед Лили, Марко учтивым тоном произнес:

– Я буду за вами присматривать, доктор Райтингтон. И если хоть на мгновение мне покажется, что ваше участие компрометирует весь проект, я в ту же минуту, не задумываясь, потребую от комитета замены.

– Вы не можете так поступить! – запротестовала Лили. В горле у нее пересохло, а сердце стало пропускать удары.

Этот проект значил для нее очень много. Поговаривали, что о нем снимут сюжет для телевидения. Мало того что это весьма способствовало бы дальнейшей ее карьере. Главное, в этом случае Лили удалось бы привлечь внимание широких масс к интересующей ее теме – огромнейшему влиянию итальянского искусства на культуру и быт англичан, будь то архитектура, литература, ландшафтный дизайн или мода. Лишиться участия в этом проекте было бы кошмаром.

А ведь князь – человек влиятельный. Влиятельный и категорически настроенный против нее. По большому счету, ей должно бы быть все равно, что он о ней думает. Но почему-то было совсем не все равно, и это пугало и нервировало.

Марко так и держал дверь приоткрытой, и гул голосов за ней постепенно стих, а все взоры обратились к входящим. Лили никак не могла взять себя в руки, но спутник ее, казалось, был абсолютно спокоен.

– Прошу принять мои искренние извинения. Мы немного задержались, исключительно по моей вине, – произнес он.

По лицам собравшихся Лили поняла, что ему простилось бы и более серьезное прегрешение. На князя ди Лючецци смотрели со смесью почтения и восторга.

– Я знаю, всем не терпится пообщаться с нашей почетной гостьей доктором Райтингтон. Так что опустим долгие предисловия. Знания доктора о коллекциях, собранных нашими предками, и архитектуре наших поместий должны говорить сами за себя.

«Должны? Почему не просто „говорят“? – Лили почувствовала особый смысл, который Марко вложил в последнюю фразу. – Интересно, обратил ли еще кто-нибудь на это внимание?»

Она была рада, что унаследовала от своей несчастной матери, ставшей жертвой разбитого сердца и передозировки медикаментов, умение держать лицо. Гордая осанка, голова поднята, улыбка застыла на губах – немного практики, и можно отлично прятать чувства от окружающих.

Марко водил ее по залу, знакомя с присутствующими. Лили мастерски поддерживала светскую беседу с людьми, чьи предки вершили историю страны веками.

– Ваша светлость! – Лили почтительно приветствовала пожилую герцогиню, которой была только что представлена. Несмотря на почтенный возраст, дама держалась с поистине королевским достоинством. – Я бесконечно признательна вам за возможность осмотреть вашу виллу и коллекцию. В архивах замка «Кастл Говард», принадлежавшего одному из ваших предков, есть удивительный рисунок самого…

– Леонардо, да, я слышала об этом, – кивнула герцогиня. – Но, как ни печально, никогда не видела.

– Я добилась разрешения сфотографировать его, – улыбнулась Лили, – чтобы показать вам.

Марко с неудовольствием отметил про себя, что Лили сумела произвести впечатление на собравшихся. И дело было не только в ее знаниях, но и в манере держаться. Что в этой женщине настоящее, а что – наносное? Он был склонен считать, что, вероятнее всего, то, как вела себя Лили сегодня, было в большей степени игрой на публику.

– О, будет весьма любопытно сравнить его с на броском, который хранится в семье моего мужа, – с улыбкой ответила герцогиня.

Обычно Лили получала невероятное удовольствие от любой возможности пообщаться с теми, кто разделял ее интересы и любовь к итальянскому искусству. Но сегодня, не проведя в изысканном обществе ценителей прекрасного и двух часов, девушка почувствовала, как настойчивыми молоточками начинает стучаться к ней головная боль. По какой-то причине она испытывала невероятное напряжение, ее даже слегка подташнивало.

«По какой-то причине? Лили, ты же умная женщина и прекрасно все понимаешь. Вот эта причина, стоит в паре шагов от тебя и горящим взором сверлит твою спину! – размышляла она. – Да, куратор проекта с итальянской стороны оказался враждебно настроен по отношению к тебе и выказывает всяческое презрение. Что с того? Ты же прекрасно умеешь закрываться от окружающего мира, прятаться и прятать свои эмоции и не пускать чужаков к себе в душу. Да что там прекрасно! Ты просто гуру в этой сфере. Если бы за это давали премии, ты собрала бы их все!»

– Мы скоро уходим, – раздался голос Марко прямо за ее спиной, отчего Лили едва не поперхнулась вином. И дело было не в том, что он застал ее врасплох. Нет, она чувствовала каждое его движение. Ощущение тепла его дыхания на ее шее – как раз там, где волосы были забраны в аккуратный узел и открывали нежную кожу, – вот к чему она опять была не готова. По телу побежали мурашки, руки покрылись гусиной кожей.

«Это все от неожиданности, а вовсе не от удовольствия! – внушала себе Лили. – Я давно уже вычеркнула из своей жизни все, связанное с сексуальным наслаждением. Как может быть, чтобы мужчина вызывал столь сильное влечение? Это выходит за всякие рамки. Ведь не могу же я испытывать влечение к нему? Да, есть вопросы, о которых лучше не задумываться! Особенно если они касаются того, что именно я чувствую к Марко ди Лючецци!»

Тут мужчина, стоявший рядом, повернулся и случайно толкнул ее под руку. Вино из бокала, который держала Лили, выплеснулось ей на предплечье, но она была даже рада инциденту. Хоть что-то заставило ее отвлечься от мыслей о князе. А князя, в свою очередь, от пристального ее созерцания. Наверняка от его острого взгляда не укрылось, как она вздрогнула от его оклика.

– Прошу прощения, – бросился извиняться гость и подозвал официанта: – Будьте добры, чистую салфетку.

– Нет-нет, не нужно… – начала было Лили, но слова застряли в горле: у Марко в руке, откуда ни возьмись, уже материализовалась белоснежная салфетка, которой он стал промокать вино с ее кожи.

Не успела она и глазом моргнуть, как князь вынул практический пустой бокал из ее пальцев и поставил его на поднос хлопочущему рядом официанту. Лили отметила, какие длинные изящные пальцы у Марко и как загорелая кожа выделяется на фоне белой салфетки.

«Хорошие руки. Красивые. Сильные. Руки художника. Руки мужчины, который легко может сломить сопротивление любой женщины, если только того пожелает!» – размышляла Лили, как вдруг новая волна дрожи прошла по ее телу, но на этот раз в глубине. Это был стремительный разряд, заставивший сжаться, расслабиться и отчетливо запульсировать нежную плоть между ног.

Лили хорошо знала внешние признаки сексуального возбуждения. Сотни раз она видела, как модели имитируют страсть тем или иным образом. Вспомнилось, как отец запирал ее в чуланчике позади студии по окончании съемки, чтобы, как он выражался, немного «поиграть» с девушками. Он был из той когорты фотографов, которые считают секс с моделями неотъемлемой частью своего ремесла. Так что Лили многократно слышала и видела, как ведут себя возбужденные – либо симулирующие возбуждение – мужчины и женщины. Но что касается проявлений ее собственного влечения… Это была закрытая, запретная территория, которая давно превратилась в выжженную землю, куда Лили не ступала уже много лет. И не имела на то ни малейшего желания. И вот теперь Марко толкает ее туда!

– Нам пора, – сказал он, обращаясь к Лили. – Дороги сейчас забиты, а нам до аэропорта добираться.

– До аэропорта? Разве мы на озеро Комо полетим? – Лили удивилась, так как была уверена, что они поедут на машине.

– Да, на вертолете. Так проще всего туда добраться, – объяснил Марко и хлопнул в ладоши, призывая собравшихся к тишине, чтобы объявить об отъезде.

– Мне и раньше хотелось показать вам наше поместье «Вилла Амброзия», – сообщила Лили герцогиня, когда подошла попрощаться. Она взяла девушку за обе руки и смотрела на нее с выражением искренней симпатии. – Но теперь, когда лично с вами познакомилась, я просто сгораю от нетерпения, так хочется поскорее принять вас у себя. Она прелестная девочка, Марко, – добавила пожилая дама, оборачиваясь к князю. – Уж ты присматривай за ней как следует!

Герцогиня отошла, и Лили глаз не смела на Марко поднять, ведь в их случае последнее замечание приобретало скрытый смысл.

Сотрудник галереи помог Лили отнести багаж к машине. «Как бы мне не избаловаться от такого сервиса! К хорошему быстро привыкаешь», – думала Лили, вспоминая, как обычно приходится самой таскать ноутбук, фотоаппарат и другое оборудование, необходимое для работы, от чего к вечеру спина нещадно болит.

Ехали и правда очень медленно, движение оказалось весьма плотным, но в изысканно декорированный салон шикарного автомобиля не проникал загазованный воздух с улицы, и поездка в этом отношении была очень комфортной. Однако от водителя пассажиров отделяла стеклянная перегородка, что вкупе с кожаными мягкими сиденьями делало обстановку, на взгляд Лили, чересчур интимной.

Хотя во всем остальном никаких намеков на интимность не было. Едва водитель захлопнул за ней дверцу, Марко вытащил свой мобильный телефон и, пробормотав «Прошу меня извинить», уткнулся в экран, мгновенно дистанцировавшись от гостьи. «Понятное дело, – хмуро размышляла Лили. – Он ведь меня на дух не переносит». Она прекрасно понимала это, но понимала еще и другое: как и она сама, Марко почувствовал неожиданное сильное притяжение, возникшее между ними, когда впервые коснулся ее. Притяжение, которому ни одна из сторон не была рада.

Тут Марко отложил телефон и обратился к ней:

– Перед нашим уходом герцогиня спросила, не могли бы мы остановиться у нее на пару дней. Судя по всему, вы произвели на нее неизгладимое впечатление.

Сухой, враждебный тон, которым это было сказано, не оставлял сомнений в том, что сам князь восторгов герцогини не разделяет.

– Я проверил наш с вами график. Если хотите, мы могли бы несколько расширить программу и провести на вилле «Амброзия» какое-то время.

Так, значит, он вовсе не отгораживался от нее, а работал – в ее же интересах, а вернее, в интересах проекта! Лили стало стыдно за недавние недобрые мысли о Марко. Хотя чего же тут стыдиться? Ведь и сам он вон как предвзято к ней относится! И похоже, ей не по силам разубедить его. Да и не нужно – особенно теперь, после того, что произошло между ними! Даже и пытаться не стоит. Зачем ей это?

Тем не менее Лили продолжала недоумевать, что могло вызвать у князя такую стойкую неприязнь сферы, с которой он ошибочно связывал ее деятельность. Что бы это ни было, вряд ли он когда-либо признается ей. И короткого знакомства было достаточно, чтобы понять: Марко не из тех, кто близко

сходится с людьми и легко открывает душу. Уж слишком он горд, высокомерен. Эти мысли уже несколько утомили Лили, и она призвала свою волю, чтобы с профессиональной вежливостью ответить:

– Очень любезно с ее стороны сделать такое щедрое предложение. Я была бы рада возможности провести на вилле больше времени и изучить ее коллекцию.

– Что ж, хорошо. Тогда я пишу ее секретарю, что мы принимаем приглашение.

Тут водитель свернул на смежную улицу, заприметив там свободное пространство для маневров и вырываясь из пробки. Лили машинально выставила руку, чтобы не съехать в сторону по скользкому кожаному сиденью, и с ужасом обнаружила, что оперлась о твердую, мускулистую ногу Марко. Обмирая от ужаса, заливаясь краской от смущения, она отдернула руку. Или у нее галлюцинации, или же пальцы действительно покалывает от случайного соприкосновения? Воображение, не иначе как ставшее жертвой профессиональной деформации, стало подкидывать хозяйке изображения карандашных набросков обнаженных мускулистых мужских бедер…

– Через пару минут будем в аэропорту, – произнес Марко безразличным тоном, что должно было бы остудить разыгравшуюся фантазию, но не тут-то было. Чтобы отвлечься, Лили отвернулась и уставилась в окно, усиленно рассматривая подъезды к аэропорту. Ни за что в жизни она не рискнула бы сейчас взглянуть на князя. И слава богу, что он не догадывается, что творится на данный момент в ее бедовой голове!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dzhordan_penni/strast-po-ital-yanski

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить